

ANKASAM

БЮЛЛЕТЕНЬ

Авг 2026 г.
ВЫПУСК: 2026/8

**От роботов к сетевым системам:
новый фронт американо-
китайского соперничества в
сфере искусственного интеллекта**

03

От Ормузского пролива
к глобальным кризисам:
Каспий, Малакка и
другие

21

Арктическая
энергетическая политика
Норвегии и
энергетическая
безопасность Европы

СОДЕРЖАНИЕ

ANKASAM АНАЛИЗ

- 03** От Ормузского пролива к глобальным кризисам: Каспий, Малакка и другие
Dr. Cenk TAMER
- 05** От роботов к сетевым системам: новый фронт американо-китайского соперничества в сфере искусственного интеллекта
Göktağ ÇALIŞKAN
- 08** Сближение Мексики и Бразилии в отношении администрации Трампа
Ali Caner İNCESU
- 10** Исследователь KEİ Том Рэмидж: «Южная Корея может играть более заметную глобальную лидерскую роль в сфере искусственного интеллекта»
Banu YAKUBOVA
- 12** Политика России в отношении Афганистана: признание «Талибана» и региональные последствия
Nodirjon MURODOV
- 15** Трансформация миграционной политики в Европе: новый этап подхода «Крепость Европа»
Sena BİRİNCİ
- 18** Японский поворот в Центральную Азию и меняющийся баланс сил в Евразии
Prof. Dr. Mehmet Seyfettin EROL
- 20** Арктическая энергетическая политика Норвегии и энергетическая безопасность Европы
Başak ERTUNÇ

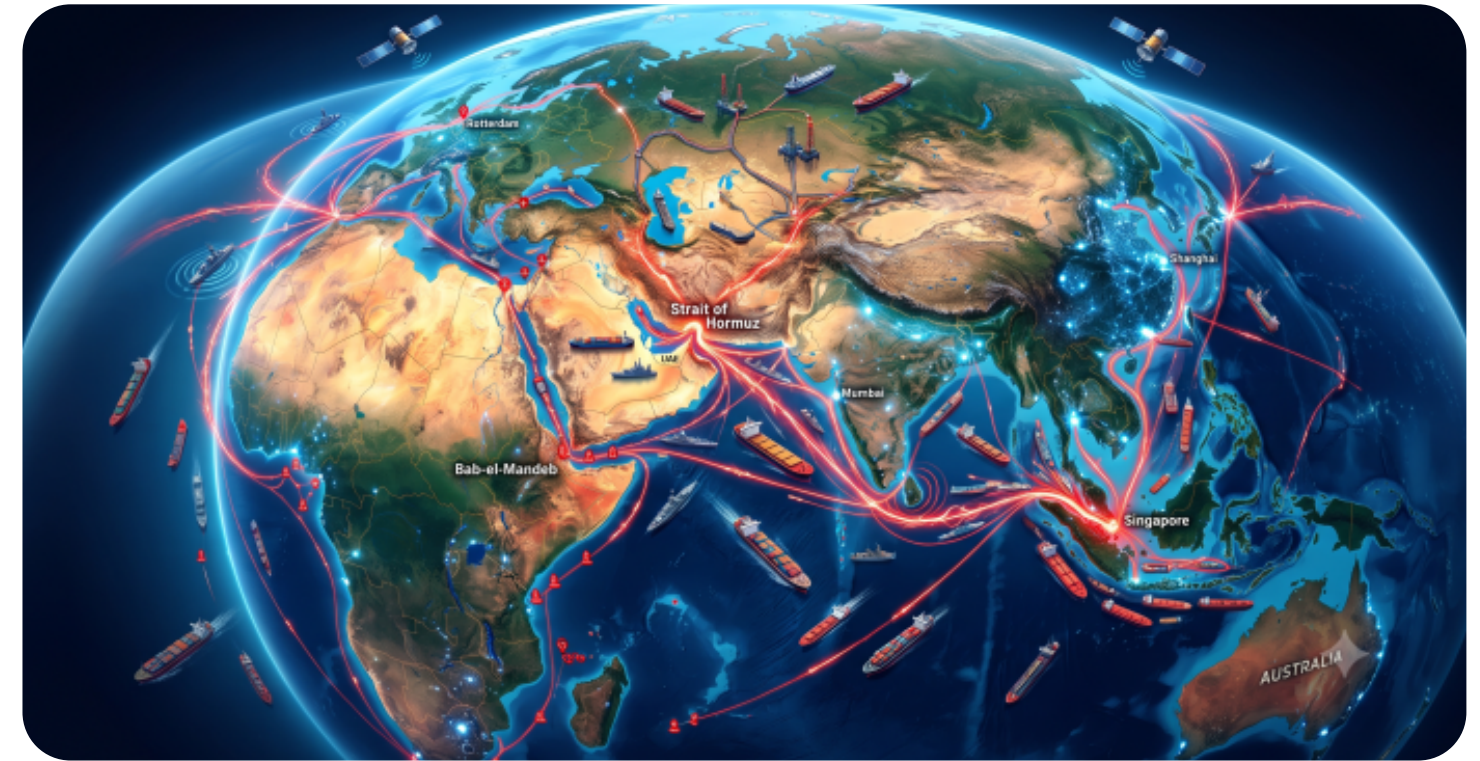
ANKASAM В СМИ

22 СМИ

ЖУРНАЛ

23 МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖУРНАЛ КРИЗИСНЫХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ЖУРНАЛ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ANKASAM АНАЛИЗ

От Ормузского пролива к глобальным кризисам: Каспий, Малакка и другие

Dr. Cenk TAMER

В то время как мир живёт уже в «Эпохе Безмирья»^[1], или «эпохе глобальных кризисов», и в различных географических регионах царит непрерывное состояние хаоса и конфликтов, надежды на кооперативный мировой порядок постепенно угасают. Хотя существуют акторы, делающие акцент на совместном строительстве будущего и общей судьбе человечества, система Организации Объединённых Наций остаётся неэффективной, особенно когда речь заходит о кризисах и конфликтах, и превращается в главный источник проблемы. Несправедливая структура Совета Безопасности ООН, которому поручено поддержание мира и безопасности во всём мире, приводит к тому, что в системе постоянно господствует атмосфера анархии.

Разразившийся в Европе российско-украинский кризис спровоцировал глобальный политико-экономический кризис и кризис безопасности, охвативший прежде всего Евразию, а также Тихоокеанский регион, Ближний Восток и Африку. Многовекторные политические, экономические и связанные с безопасностью кризисы в международной политике показывают, что в мире не осталось локальных или региональных конфликтов и что теперь следует говорить о глобальных кризисах. Ведь кризисы в различных регионах мира, создавая своего рода «эффект домино», смещаются в сторону других геополитических бассейнов и, достигая новых мест, с силой сотрясают межгосударственные отношения.

Как и в случае с Украиной, кризис, разразившийся в Ормузском проливе в феврале 2026 года, также начал сотрясать и мировую экономику, и геополитический баланс. Атаки на Иран, продолжающиеся при координации Израиля и Соединённых Штатов Америки (США), изменили баланс сил на Ближнем Востоке, прежде всего в Ливане, Йемене и Сирии, и поставили в крайне сложное положение особенно акторов Азиатско-Тихоокеанского региона, зависящих от импорта энергоносителей через Ормузский пролив. С этого момента одним из наиболее обсуждаемых вопросов стало то, в каком регионе может разразиться новый кризис после Ормуза.

В связи с этим внимание привлекают попытки Ирана перекрыть Баб-эль-Мандебский пролив через хуситов, а с другой стороны, остаётся вопрос, к каким ещё инструментам может прибегнуть США, чтобы оказать давление на Иран. В этом направлении США, вводящие эмбарго в Ормузском проливе и стремящиеся полностью заблокировать продажи иранской нефти, хотя и оставляют на столе вариант прямого военного вмешательства, основной упор делают на «многомерную стратегию окружения». Несмотря на то что Иран находится в окружении с моря, его сухопутная связь с миром сохраняется. Следовательно, с точки зрения стратегии США, вторичные кризисные зоны и пояса нестабильности, которые предстоит создать в ближнем и дальнем окружении Ирана, приобретают жизненно важное значение. Ведь можно утверждать, что крупнейшими геополитическими сторонниками Ирана являются Россия и Китай. Поэтому вопрос, на котором сосредоточено внимание США, может заключаться в том, чтобы занять Россию и Китай новыми «кризисами/проблемами» и тем самым сломить экономическую/оборонную устойчивость Ирана.

Атака, совершённая Украиной 25 июля 2026 года на иранское судно в Каспийском море, также может служить примером упомянутых новых кризисов. Этот пример по сути является важным сигналом того, что США внимательно отслеживают связи между Ираном и Россией и что «при необходимости» они могут стать мишенью. Атаку на Каспии одновременно можно рассматривать и как попытку, направленную против Среднего коридора Китая, простирающегося в Европу.^[ii] Таким образом, налицо геополитическая обстановка, в которой северная (Россия), средняя (Каспий) и южная (Иран) линии открывающихся на запад коридоров Китая находятся под угрозой различных кризисов. По этой причине в ближайшем будущем под угрозой может оказаться и безопасность Малаккского пролива критического узкого места на Морском Шёлковом пути Китая.

Глобальная геополитика, в настоящее время ограниченная Каспийским и Ормузским проливами, может спровоцировать новые кризисные ситуации в ближайшее время. Одновременная утрата безопасности Ормузским и Баб-эль-Мандебским проливами выводит в ключевую позицию восточносредиземноморский регион с центром на Кипре в вопросах передачи энергоресурсов. С другой стороны, нарушение китайских сухопутных энергетических и торговых коридоров (Северного, Центрального и Южного) из-за кризисов может вынудить Пекин предпринять радикальные шаги для обеспечения безопасности Морского шелкового пути. Эта ситуация может проложить путь к усилению давления на Тайвань и эскалации напряженности в Тайваньском проливе и Южно-Китайском море. Потенциальная блокада Малаккского пролива США в ответ на возможную китайскую операцию, особенно против Тайваня, вынудит Китай обратиться к Зондскому или Ломбокскому проливам, находящимся под контролем Индонезии; это создаст масштабный кризис морской безопасности, охватывающий весь регион Юго-Восточной Азии. Может возникнуть целостное геополитическое окружение, при котором глобальные торговые и логистические линии Китая и евразийского блока, направленные на запад и юг, окажутся одновременно под давлением кризисов: на Северной оси (российско-украинская война), на Средней оси (Каспий и Кавказ), на Южной оси (Иран, Ормуз и Восточное Средиземноморье) и на Восточной/Тихоокеанской оси (Малакка и Тайвань). В этой конъюнктуре, когда сухопутные и морские коридоры одновременно лишаются безопасности, глобальной системе становится всё труднее выйти из «эпохи безмизра»; кризисы перестают быть локальными конфликтами и превращаются в основные инструменты, заново выстраивающие и управляющие глобальным балансом сил.

В итоге «избирательное» применение и нарушение норм международного права создаёт «эрозию норм» не только в региональном, но и в глобальном масштабе. Из-за действий Ирана среди других прибрежных государств, контролирующих узкие места по всему миру, могут получить распространение тенденции к усилению фактического контроля над стратегическими проливами, ограничению проходов или введению экономических обязательств. Это может увеличить издержки глобальной морской торговли и привести к нестабильности во многих отраслях, прежде всего в сфере безопасности энергоснабжения. Пока США пытаются оказать давление на Иран, мир может столкнуться с гораздо более сложной картиной в плане глобальной торговли.

[i] Использовано со ссылкой на книгу Марка Леонарда «Эпоха безмизра»..

[ii] Подробнее см. в: “Jeopolitik Kırılma Eşiğinde “İstanbul 2.0 Vizyonu”nun Kaçınılmazlığı ve “Genişletilmiş Karadeniz Havzası Güvenlik Kuşağı”, ANKASAM, <https://www.ankasam.org/jeopolitik-kirilma-esiginde-istanbul-2-0-vizyonunun-kacinilmazligi-ve-genisletilmis-karadeniz-havzasi-guvenlik-kusagi/>, (Дата обращения: 31.07.2026).

ANKASAM АНАЛИЗ

От роботов к сетевым системам: новый фронт американо-китайского соперничества в сфере искусственного интеллекта

Gökтуğ Çalıřkan

Решение, объявленное Соединёнными Штатами Америки (США) 28 июля 2026 года, свидетельствует о переходе американо-китайского технологического соперничества на новый этап, перенося его с экранов на фабрики и электрические сети.^[i] Федеральная комиссия по связи включила в перечень подпадающих под регулирование устройств силовые преобразователи, связанные с передовыми роботизированными устройствами, произведёнными в зарубежных странах, по соображениям безопасности. Данное регулирование в значительной степени препятствует импорту, продвижению на рынке и продаже в США новых моделей, которые ещё не получили одобрения. При этом использование и продажа устройств, ранее получивших одобрение, продолжают.

Хотя политической целью данного решения являются китайские производители, его правовой охват был определён шире, чем национальная принадлежность производителя. В документе соответствующие устройства, произведённые в зарубежной стране, классифицируются по месту их производства, при этом для продукции, официально признанной безопасной, сохраняется возможность получения разрешения на условной основе. В отношении силовых преобразователей исключения смогут предоставлять органы обороны или внутренней безопасности, а в отношении роботов — органы обороны. Такая структура предоставляет Вашингтону возможность осуществлять выборочный доступ на основе страны, компании и класса продукции.^[ii]

Значимость данного шага обусловлена тем, что роботы превращаются в прикладной уровень реализации искусственного интеллекта в физическом мире. В то время как большие языковые модели производят информацию, передовые роботы воспринимают окружающую среду, преобразуют решения в действия и работают в общем пространстве с людьми. Платформа, оснащённая камерой, микрофоном, данными о местоположении, лидаром, датчиком движения и подключением к облачным сервисам, представляет собой мобильный компьютер, непрерывно собирающий данные. Уязвимость в программном обеспечении такого устройства может привести к таким последствиям, как остановка производственной линии, открытие дверей или причинение вреда людям.

Выдвижение на первый план человекоподобных и четвероногих роботов в дискуссии о безопасности обусловлено именно их способностью к перемещению. Человекоподобные системы могут использоваться на складах, фабриках и в сферах обслуживания, спроектированных с учётом человеческого труда, тогда как четвероногие модели способны передвигаться по неровной местности — лестницам, туннелям, энергетическим объектам и территориям, пострадавшим от стихийных бедствий. Эти же характеристики делают их ценными для инспектирования критически важных объектов, военной разведки, наблюдения за границами и выполнения задач в опасных зонах. Машина, управляемая дистанционно или функционирующая с подключением к внешним серверам, объединяет в одном устройстве безопасность данных и физическую безопасность.

Преимущество Китая в этой области, по всей видимости, не ограничивается наличием одного популярного бренда. Разветвлённая электронная производственная база страны, её мощности по производству аккумуляторов, поставки двигателей и приводных механизмов, способность к быстрому прототипированию и крупный внутренний рынок обеспечивают производителям роботов преимущества за счёт масштабирования. В 2024 году из 542 тыс. промышленных роботов, установленных в мире, 295 тыс. были введены в эксплуатацию в Китае, на долю страны пришлось 54% глобальных установок.^[iii] Количество действующих промышленных роботов на китайских предприятиях также превысило 2 млн единиц. Хотя эти данные не отражают непосредственно масштаб рынка человекоподобных роботов, они демонстрируют промышленную базу, необходимую для их серийного производства.

Для США риск выходит за рамки простого выхода китайских компаний на рынок с более дешёвыми роботами. Платформа, получившая широкое распространение на раннем этапе, может принести с собой собственную программную экосистему, сеть технического обслуживания, массивы данных для обучения и стандарты комплектующих. Когда предприятия организованы с учётом определённой роботизированной архитектуры, смена поставщика создаёт высокие издержки. Поэтому Вашингтон стремится не ждать формирования рыночной доли, а уже сегодня влиять на то, вокруг какой технологической среды будут формироваться устанавливаемые в будущем системы.

Регулирование силовых преобразователей наряду с роботами делает энергетическое измерение данного решения более очевидным. Эти устройства преобразуют постоянный ток, вырабатываемый солнечными панелями и аккумуляторными батареями, в переменный ток, который может использоваться электросетью и оборудованием центров обработки данных. Модели нового поколения оснащаются подключением к интернету для удалённого мониторинга, обновления программного обеспечения и управления электросетью. Несанкционированный доступ может позволить злоумышленнику изменять потоки электроэнергии, осуществлять сбор данных или одновременно отключать большое количество устройств. Таким образом, цифровая утечка может трансформироваться в физические последствия — перебои в электроснабжении, повреждение оборудования и возгорание.

Эта уязвимость приобретает ещё большее значение на фоне стремительно растущего спроса инфраструктуры искусственного интеллекта на электроэнергию. В США центры обработки данных в 2023 году потребляли около 4,4% общего объёма электроэнергии. По расчётам, к 2028 году эта доля может увеличиться до 6,7–12%.^[iv] Безопасность преобразователей, функционирующих между объектами возобновляемой генерации, системами аккумуляторного хранения энергии и центрами обработки данных, поэтому непосредственно влияет на непрерывность функционирования мощностей искусственного интеллекта. Недостаточно обеспечить защиту доступа к чипам — необходимо также обеспечить безопасность уровня управления электроэнергией, которая приводит эти чипы в действие.

Подход Вашингтона свидетельствует о расширении регулирующих инструментов, разработанных для обеспечения безопасности телекоммуникаций, на робототехнические и энергетические технологии. Ранее перечень охватывал телекоммуникационное оборудование, системы наблюдения, беспилотные летательные аппараты и маршрутизаторы. Теперь аналогичные полномочия применяются к движущимся машинам и устройствам, управляющим потоками электроэнергии. Таким образом, Федеральная комиссия по связи превращается из классического регулятора в сфере телекоммуникаций в более влиятельного субъекта обеспечения безопасности, контролирующего доступ критически важного цифрового оборудования на рынок.

Решение может создать защищённый внутренний рынок для американских компаний в сфере робототехники. Ограничение ценовых и производственных преимуществ китайских конкурентов может облегчить отечественным компаниям привлечение инвестиций и увеличение объёма заказов. Вместе с тем стоимость использования роботов в научных исследованиях, образовании, логистике и малом бизнесе может возрасти. Снижение конкурентного давления способно замедлить темпы разработки продукции.

Если отечественное производство силовых преобразователей не сможет в краткосрочной перспективе удовлетворить спрос, это может создать давление на сроки поставок и стоимость проектов в области солнечной энергетики, систем хранения энергии и центров обработки данных.

Исключение существующих моделей из сферы действия регулирования, смягчая переходный период, одновременно создаёт иную проблему безопасности. Установленные на объектах устройства будут по-прежнему зависеть от производителя в вопросах технического обслуживания, запасных частей и обновления программного обеспечения. Закрытие каналов обновления может привести к накоплению уязвимостей, тогда как их сохранение означает продолжение обсуждаемого удалённого доступа. При отсутствии инвентаризации устройств, их сегментации от сетей, ограничения потоков данных и независимого аудита безопасности прекращение новых продаж само по себе не устранил уже существующие риски.

Надёжность решения будет определяться тем, каким образом будет функционировать механизм условного разрешения. Широкое ограничение, основанное на стране производства, обеспечивает быструю защиту, однако может объединить в одну категорию технически безопасные и уязвимые продукты. Необходимо чётко публиковать такие критерии, как анализ исходного кода, перечень программных компонентов, местоположение серверов обновлений, локализация данных, полномочия по удалённому отключению и структура собственности поставщика. Если будет создана прозрачная система тестирования, исключения смогут перестать выглядеть как инструмент политического торга.

Реакция союзников также повлияет на направление развития мирового рынка. Европейские страны, Япония и Южная Корея могут добиваться условных разрешений для сохранения доступа своих производителей на американский рынок. Если требования безопасности будут унифицированы, может сформироваться сеть надёжных поставщиков робототехнического и энергетического оборудования. В случае разработки каждой страной собственных стандартов производителям придётся соблюдать различные требования к программному обеспечению, коммуникационным модулям и управлению данными. Такая фрагментация, повышая издержки, может побудить Китай создать альтернативный рынок вокруг собственных технических стандартов.

Ответ Пекина может формироваться через экспортные разрешения, ограничения в отношении критически важных компонентов либо посредством деятельности американских компаний в Китае. Роботы опираются на сложную цепочку, включающую двигатели, датчики, аккумуляторы, редкоземельные магниты, полупроводники и оборудование для высокоточной обработки. Даже если США ограничат доступ конечной продукции, промежуточные товары китайского происхождения в краткосрочной перспективе могут сохраняться в производственной цепочке. Эффективная перестройка потребует наряду с локальной сборкой развития производства компонентов, подготовки квалифицированных кадров, создания безопасного программного обеспечения и принятия обязательств по крупномасштабным закупкам.

Таким образом, решение показывает, что конкуренция в сфере искусственного интеллекта выходит за рамки гонки алгоритмов и чипов и распространяется на движущиеся машины и оборудование, управляющее электроэнергией. Вопросы о том, кто получает доступ к данным, собираемым роботами, кто может дистанционно управлять машинами и от какого программного обеспечения зависят преобразователи, обеспечивающие энергией центры обработки данных, превращаются в стратегические факторы силы. Успех Вашингтона будет зависеть не столько от перекрытия канала импорта, сколько от его способности создать безопасную, конкурентоспособную и масштабируемую производственную экосистему. В противном случае ограничения, введённые в целях обеспечения безопасности, приведут к росту издержек, одновременно перенося технологическую зависимость на другие звенья производственной цепочки.

[i]. Александра Альпер и Дэвид Шепардсон, «Администрация Трампа запрещает новые китайские человекоподобные роботы в целях защиты развития ИИ в США», Reuters, <https://www.reuters.com/world/trump-administration-ban-new-chinese-robots-inverters-protecting-us-ai-buildout-2026-07-28/>, (дата обращения: 29.07.2026).

[ii]. «Включение произведённых за рубежом силовых преобразователей и передовых роботизированных устройств в Перечень охватываемого оборудования FCC», DA 26–786, Федеральная комиссия по связи, документ FCC, (дата обращения: 29.07.2026).

[iii]. «Мировой спрос на роботов на предприятиях удвоился за 10 лет», Международная федерация робототехники, International Federation of Robotics, (дата обращения: 29.07.2026).

[iv]. «Министерство энергетики США опубликовало новый доклад, оценивающий рост спроса на электроэнергию со стороны центров обработки данных», Министерство энергетики США, U.S. Department of Energy, (дата обращения: 29.07.2026).

ANKASAM АНАЛИЗ

Сближение Мексики и Бразилии в отношении администрации Трампа

Ali Caner İncesu

Второй президентский срок Дональда Трампа привёл к более интервенционистскому подходу Соединённых Штатов Америки к Латинской Америке, изменив баланс сил в регионе. Одновременное использование Вашингтоном различных инструментов — торговли, безопасности, визовой политики и военного сотрудничества — вывело американо-латиноамериканские отношения за рамки классических дипломатических переговоров, поставив их непосредственно в центр дискуссии о суверенитете и стратегической автономии. В этом контексте усиление контактов между президентом Бразилии Луисом Инасиу Лула да Силвой и президентом Мексики Клаудией Шейнбаум демонстрирует не только идеологическое сближение двух левых правительств, но и стремление двух крупнейших экономик региона расширить свои возможности для маневра по отношению к Вашингтону.

Экономический и политический вес Бразилии и Мексики в этом процессе отличает их от других государств Латинской Америки. Тот факт, что эти две страны, представляющие значительную часть населения и экономического производства региона, одновременно испытывают давление со стороны Вашингтона, усиливает стратегический характер их двусторонних отношений. Стремление администраций Лулы и Шейнбаум к развитию торговых и дипломатических отношений направлено не столько на создание прямого блокового конфликта с США, сколько на поиск альтернативных путей маневрирования во внешней политике. Поэтому сближение Бразилии и Мексики формируется не столько как новый идеологический альянс, сколько как прагматическое сотрудничество, направленное на сохранение стратегической автономии в условиях меняющегося регионального распределения сил.

Однако нельзя сказать, что обе страны обладают одинаковым потенциалом сопротивления Вашингтону. Отношения Бразилии с различными экономическими партнерами, прежде всего с Китаем, предоставляют стране больше возможностей для маневра против США. Положение Бразилии в БРИКС, ее большой внутренний рынок, потенциал природных ресурсов и дипломатические отношения со странами Глобального Юга также поддерживают этот потенциал автономии. Мексика, с другой стороны, находится в гораздо более глубокой взаимозависимости с экономикой США из-за своих производственных цепочек, экспортных рынков и географического положения. Поэтому политика, проводимая администрацией Шейнбаум против Вашингтона, требует более тщательной стратегии балансирования, чем политика, проводимая администрацией Лулы.

Сходство инструментов, используемых администрацией Трампа против двух стран, поразительно. Угроза торговых санкций или дополнительных тарифов, визовые ограничения, признание организованных преступных групп террористическими организациями и повышение вероятности прямого вмешательства по соображениям безопасности показывают, что экономическое и военное давление стали взаимодополняющими элементами.

В частности, классификация преступных организаций как террористических организаций является не только вопросом политики безопасности для Бразилии и Мексики. Возможность того, что подобное обозначение может в будущем превратиться в юридическое и политическое оправдание для трансграничных военных операций, повышает чувствительность обоих правительств к вопросу суверенитета.

В данном контексте акцент Лулы на национальном суверенитете также имеет важное значение для внутренней политики Бразилии. Его стремление к наращиванию обороноспособности Бразилии, особенно его акцент на производстве беспилотных летательных аппаратов для защиты границ страны, демонстрирует растущую интеграцию внешней и оборонной политики. Утверждение Лулы о том, что Бразилия должна обладать обороноспособностью, которая предотвратит «вторжение в страну и похищение президента», показывает, что венесуэльский пример напрямую влияет на восприятие безопасности в Бразилии.^[1] Таким образом, концепция суверенитета перестает быть абстрактным дипломатическим принципом и конкретизируется посредством инвестиций в оборону, обеспечения безопасности границ и развития технологического потенциала.

Эти события также превращают выборы в Бразилии, запланированные на октябрь 2026 года, в борьбу международного масштаба. Тесное соперничество между Лулой и Флавиу Болсонару усиливает напряженность между Вашингтоном и Бразилией во внутренней политике. Политическая близость, которую администрация Трампа установила с семьей Болсонару, затрудняет рассмотрение бразильских выборов как простого соревнования между внутриполитическими деятелями. Поэтому администрация Лулы делает национальный суверенитет центральным элементом своей избирательной кампании и связывает дискуссию о вмешательстве извне с вопросом политической независимости.

Для Мексики фундаментальная проблема иная, поскольку цена конфликта с Вашингтоном намного выше, чем для Бразилии. В то время как администрация Шейнбаума пытается поддерживать сотрудничество с США по вопросам безопасности и торговли, она также устанавливает границы для требований, которые могут нарушить суверенитет страны. Интеграция мексиканской экономики с производственными цепочками США делает инструменты торгового давления Вашингтона чрезвычайно эффективными. Таким образом, стремление администрации Шейнбаума поддерживать дипломатические каналы открытыми и избегать прямых личных конфликтов является не слабостью, а скорее политикой балансирования, проводимой в рамках структурных ограничений, создаваемых экономической зависимостью.

Ключевой момент, в котором сближение Бразилии и Мексики приобретает важное значение, заключается именно в этом. Ни одно из правительств не стремится разорвать связи с Вашингтоном или создать прямой антиамериканский фронт. Напротив, обе страны стремятся к модели отношений, в рамках которой они поддерживают экономические и дипломатические отношения с США, не принимая при этом одностороннего давления. Такой подход указывает на концепцию стратегической автономии в Латинской Америке, которая отличается от блоковой логики эпохи холодной войны. Государства могут поддерживать сотрудничество с Вашингтоном, но в то же время развивать отношения с альтернативными экономическими партнерами, такими как Китай, и укреплять свои региональные партнерства.

В этом контексте вопрос заключается не в том, перерастет ли сближение Бразилии и Мексики в институциональный альянс в будущем, а в том, в какой степени две страны могут усилить потенциал друг друга в области стратегической автономии. Сотрудничество, сложившееся между Petrobras и Pemex в энергетическом секторе, демонстрирует, что экономические отношения могут обеспечить конкретную основу для политического сближения. Диверсификация торговли, энергетическое сотрудничество, дипломатическая координация и выработка общих позиций по региональным вопросам выступают в качестве инструментов, способных повысить переговорную силу обеих стран в противостоянии Вашингтону. Однако, учитывая зависимость Мексики, в частности, от экономики США, в краткосрочной перспективе представляется маловероятным, что это сближение создаст альтернативный блок, способный устранить американское влияние.

В заключение, основная задача, стоящая перед администрациями Лулы и Шейнбаума, заключается в разработке внешней политики, которая могла бы ограничить возможности Вашингтона по одностороннему давлению, не разрывая при этом отношений с США. Бразилия пытается достичь этого за счет диверсификации экономики, отношений с Китаем, повышения обороноспособности и принципа взаимности, в то время как Мексика, из-за ограничений, налагаемых экономической интеграцией, принимает стратегию дипломатии, контролируемого сотрудничества и установления четких «красных линий» в отношении суверенитета. Это различие, вместо того чтобы отдалить две страны, потенциально может дополнить их различные структуры власти.

[1]. Galarraga Gortázar, Naiara, and Carlos S. Maldonado. “Brasil y México plantan cara a la hostilidad y las injerencias de Trump y las derechas latinoamericanas.” El País, <https://elpais.com/america/2026-08-16/brasil-y-mexico-plantan-cara-a-la-hostilidad-y-las-injerencias-de-trump-y-las-derechas-latinoamericanas.html>, (Дата обращения: 16.08.2026).

ANKASAM АНАЛИЗ

Исследователь KEI Том Рэмидж: «Южная Корея может играть более заметную глобальную лидерскую роль в сфере искусственного интеллекта»

Banu YAKUBOVA

Анкарский центр исследований кризисных ситуаций и политики (ANKASAM) представляет вашему вниманию интервью с исследователем и аналитиком по вопросам экономической политики Корейского экономического института Америки (KEI) Томом Рэмиджем, посвящённое меняющейся роли Южной Кореи в глобальной цепочке поставок полупроводников для искусственного интеллекта, влиянию расширения производственных мощностей страны на мировые цепочки поставок и перспективам дальнейшего развития южнокорейской экосистемы полупроводников для ИИ.

1. Что недавний саммит по искусственному интеллекту в Сан-Франциско показывает с точки зрения меняющейся роли Южной Кореи в глобальной цепочке поставок полупроводников для ИИ?

Недавний саммит по искусственному интеллекту в Сан-Франциско прежде всего показал, что Южная Корея становится незаменимым партнёром в глобальном распространении технологий ИИ и развитии соответствующих цепочек поставок. Саммит также продемонстрировал, что благодаря технической экспертизе в области чипов памяти с высокой пропускной способностью (HBM), развитой экосистеме технологических стартапов и инфраструктуре Интернета вещей (IoT) президент Южной Кореи становится всё более значимым партнёром для американских технологических компаний при реализации их планов в сфере искусственного интеллекта.

Соглашения о строительстве и развитии центров обработки данных в Южной Корее, а также сотрудничество по поставкам корейских HBM-чипов американским компаниям и графических процессоров (GPU) из США корейским компаниям показывают, что Южная Корея — это не только высокотехнологичный рынок, активно внедряющий американские ИИ-решения. Корейские технологии одновременно становятся одной из важных опор американской аппаратной инфраструктуры искусственного интеллекта.

2. Как расширение производственных мощностей Южной Кореи может повлиять на устойчивость и географическую диверсификацию глобальных цепочек поставок полупроводников?

Прежде всего, увеличение производства полупроводников в Южной Корее в соответствии с обязательствами, взятыми правительством страны, может существенно смягчить сохраняющийся во всём мире дефицит чипов памяти. В кратко- и среднесрочной перспективе это особенно важно на фоне ожидаемого роста рынка, причём сегмент HBM, возможно, в ближайшем будущем почти удвоится.

Для таких стран, как США, Южная Корея в этом случае может стать надёжным партнёром за пределами Китая, способным помочь удовлетворить растущий спрос на оборудование для искусственного интеллекта.

Однако дальнейшее наращивание производства внутри самой Южной Кореи не обеспечивает полноценной географической диверсификации, которая могла бы защитить отрасль от более широкого спектра рисков или крупных непредвиденных кризисов. Напротив, ещё большая концентрация производства чипов в одной стране может сделать глобальные поставки более уязвимыми в случае масштабного геополитического конфликта или других событий, способных нарушить международные транспортные маршруты.

В этом смысле инвестиции Южной Кореи в полупроводниковую отрасль США, предусмотренные недавними договорённостями между Вашингтоном и Сеулом по тарифам, могут косвенно обеспечить ту географическую диверсификацию, которая необходима для повышения устойчивости цепочек поставок. Однако такой эффект будет зависеть от сохранения тесного сотрудничества между технологическими секторами двух стран и долгосрочной согласованности политики Вашингтона и Сеула.

3. Как, на ваш взгляд, в дальнейшем будет развиваться роль Южной Кореи в глобальной экосистеме полупроводников для ИИ с учётом взаимодополняющих преимуществ США, Тайваня, Японии и Европы?

Растущее значение Южной Кореи в сфере искусственного интеллекта позволяет стране играть всё более заметную роль в формировании стандартов цифрового управления и разработке мер защиты от недобросовестного использования ИИ. Одним из конкретных итогов саммита стала представленная Ли Чжэ Мёном «Сан-Францисская декларация по искусственному интеллекту». Документ предусматривает ответственное использование ИИ и его справедливое распространение в разных странах.

США добились заметного прогресса в формировании общего подхода и достижении международного консенсуса по вопросам безопасности искусственного интеллекта. Этому способствовали такие инициативы, как создание в 2024 году Международной сети институтов безопасности ИИ, а также диалог и обсуждения по вопросам ответственного использования искусственного интеллекта, проходившие в этом году в рамках G7. Ожидается, что в дальнейшем Южная Корея будет играть всё более активную роль в этих усилиях.

По мере того как страны мира стремятся выработать более согласованный подход к безопасности искусственного интеллекта и цифровому управлению, внутренняя политика Южной Кореи в сфере регулирования ИИ также может стать ориентиром для других технологически развитых государств. В этом отношении особенно показательны недавно вступивший в силу «Основной закон об искусственном интеллекте» и принятый ранее «Билль о цифровых правах», направленный на защиту прав граждан. Как показывает пример «Сан-Францисской декларации по искусственному интеллекту», Южная Корея также может играть более заметную глобальную лидерскую роль в разработке стандартов и формировании международного консенсуса в сфере ИИ.

ANKASAM АНАЛИЗ

Политика России в отношении Афганистана: признание «Талибана» и региональные последствия

Nodirjon MURODOV

Официальное признание Россией правительства «Талибана» 3 июля 2025 года стало кульминацией постепенных изменений в политике Москвы в отношении Афганистана. Афганистан редко занимал центральное место в российской внешней политике, однако с момента возвращения «Талибана» к власти в 2021 году его стратегическое значение значительно возросло. Россия стала одной из первых великих держав, возобновивших дипломатические контакты с Кабулом; она постепенно расширяла политический диалог с «Талибаном», укрепляла экономические связи и сотрудничество в сфере безопасности и, в конечном итоге, исключила эту организацию из списка террористических группировок.^[i]

27 мая 2026 года секретарь Совета безопасности России Сергей Шойгу и исполняющий обязанности министра обороны «Талибана» Мухаммед Якуб подписали соглашение о военно-техническом сотрудничестве.^[ii] На первый взгляд решение России признать «Талибан» выглядит как значительный дипломатический поворот. Однако политика России представляет собой не столько радикальное стратегическое изменение, сколько взвешенную адаптацию к меняющимся региональным реалиям. Москва рассматривает сотрудничество с «Талибаном» как наиболее практичный способ защиты своих интересов в сфере безопасности, расширения региональных связей и сохранения своего влияния в Центральной Азии.

Одной из основных тенденций, определяющих изменение политики России, являются проекты региональной интеграции и инфраструктуры. После ухудшения отношений с Западом из-за войны в Украине Россия ускорила поиск альтернативных торговых и транспортных коридоров, которые свяжут её с Южной Азией и Ближним Востоком. В то время как жесткие санкции вынуждают Москву переориентировать торговлю с Европы на Азию, Международный транспортный коридор «Север-Юг» (INSTC) выдвинулся на первый план в качестве стратегического приоритета. Хотя западная ветвь коридора по-прежнему проходит через Азербайджан, продолжающаяся нестабильность на Южном Кавказе и на Ближнем Востоке повысила важность диверсификации маршрутов. В этом контексте Афганистан перестал быть лишь проблемой безопасности и начал выступать в качестве потенциальной транзитной страны.

С точки зрения Москвы, Афганистан представляет собой недостающее географическое звено, способное посредством предлагаемой Трансафганской железной дороги соединить Центральную Азию с пакистанскими портами. Узбекистан активно продвигает этот проект как средство обеспечения выхода Центральной Азии к Аравийскому морю, в то время как Казахстан и Туркменистан также проявляют заинтересованность в расширении своих транспортных связей в южном направлении.^[iii] Москва рассматривает данные инициативы как имеющие стратегическое значение с точки зрения собственных целей в области региональной интеграции. Доступ к рынкам Южной Азии открывает для России потенциал расширения торговых возможностей в период, когда западные санкции продолжают перестраивать структуру евразийской торговли. Хотя данные проекты пока находятся на начальной стадии, становится ясно, что Москва намерена поддерживать эти инициативы, а не оставаться пассивным наблюдателем. Иными словами, интерес России к региональной интеграции является реальным, однако её основная цель — не остаться в стороне от инфраструктурных проектов, реализуемых другими странами.

Соображения безопасности являются вторым и, вероятно, наиболее неотложным фактором, определяющим характер взаимодействия России с Афганистаном. Основная обеспокоенность Кремля связана не столько с самим «Талибаном», сколько с возможным возникновением вакуума безопасности в случае, если Афганистан вновь превратится в базу для транснациональных вооружённых группировок. В этом контексте Россия особенно обеспокоена растущей активностью террористической организации «Исламское государство — Хорасан» (ИГИЛ-Х). Усиление её присутствия создаёт серьёзные риски не только для Афганистана, но и для безопасности Центральной Азии и самой России.^[iv] Террористический акт в подмосковном концертном зале «Крокус Сити Холл» в марте 2024 года ещё больше усилил эти опасения и вновь актуализировал вопрос о способности связанных с Афганистаном экстремистских сетей создавать угрозу непосредственно на территории России.

Упомянутые проблемы безопасности напрямую затрагивают и Центральную Азию, которую Россия рассматривает как зону своего геополитического влияния. Длинная граница Таджикистана с Афганистаном по-прежнему остается одной из самых уязвимых линий безопасности в регионе, а контрабанда наркотиков и проникновение боевиков продолжают угрожать безопасности границ.^[v] В связи с этим, решение России о налаживании военно-технического сотрудничества с «Талибаном» можно расценивать как попытку укрепить каналы связи с властями, фактически контролирующими ситуацию в Афганистане. С точки зрения Москвы, контролируемое взаимодействие, осуществляемое с ограниченными затратами и геополитическими обязательствами, рассматривается как вариант с меньшим риском по сравнению с дипломатической изоляцией.

Экономические интересы служат третьим обоснованием. Афганистан обладает значительными запасами меди, лития, редкоземельных элементов и других важнейших минералов, которые вызывают всё больший интерес на международном уровне. Несмотря на то что Китай по-прежнему остаётся крупнейшим иностранным инвестором в стране, Россия ищет возможности для участия в будущих проектах в сфере горнодобывающей промышленности и инфраструктуры. Не менее важное значение имеет расширение двусторонней торговли. Объем торговли между Россией и Афганистаном стабильно растет с 2021 года. Это отражает более широкую тенденцию, в рамках которой правительства обеих стран стремятся снизить экономическую изоляцию посредством региональных партнерств. Указанные события свидетельствуют о том, что экономический прагматизм всё в большей степени дополняет традиционный подход России, ориентированный на вопросы безопасности..

Политика России в отношении Афганистана имеет четкие границы. Тот факт, что военные ресурсы Москвы в значительной степени задействованы в войне на Украине, ограничивает ее способность брать на себя новые обязательства в сфере безопасности в других регионах. Западные санкции, в свою очередь, продолжают оказывать давление на финансовый и промышленный потенциал России. Аналогичным образом, ограниченные экономические возможности Афганистана и слабые государственные институты также представляют собой серьезные препятствия на пути к всеобъемлющему стратегическому партнерству. В этих условиях более вероятно, что Россия предпочтет продолжать выборочное сотрудничество в таких областях, как транспорт, торговля, борьба с терроризмом и техническая поддержка, вместо принятия на себя широкомасштабных военных обязательств или крупных экономических инвестиций..

Политику России в отношении Афганистана необходимо рассматривать в более широком геополитическом контексте. Китай постепенно расширяет своё экономическое присутствие в Афганистане, а государства Центральной Азии также проводят более прагматичную политику в отношении Кабула посредством торговли, гуманитарной помощи и инфраструктурных проектов. Аналогичным образом Пакистан, Иран и Индия также стремятся продвигать свои стратегические интересы в Афганистане. Поэтому политика Москвы определяется не только событиями в Афганистане, но и стремлением сохранить региональное влияние и удержать позиции влиятельного игрока в условиях обостряющейся конкуренции между внешними силами.

Данное событие имеет важные последствия для Центральной Азии. Нормализация отношений России с «Талибаном» не означает, что Узбекистан, Казахстан или другие страны региона в ближайшей перспективе официально признают «Талибан». Напротив, эта ситуация может стимулировать страны региона к расширению практического сотрудничества с властями Кабула, сохраняя при этом пространство для дипломатических маневров. До сих пор государства Центральной Азии проводили четкое разграничение между официальным признанием и фактическим сотрудничеством; они избегали шагов, которые с политической точки зрения было бы трудно отменить, предпочитая при этом поддерживать открытые каналы связи с Кабулом.

Поэтому трансформацию политики России в отношении Афганистана можно расценивать как процесс прагматичной адаптации к изменившимся геополитическим условиям. Региональная взаимосвязанность, соображения безопасности и экономические возможности подтолкнули Москву к переходу от подхода, предполагающего сохранение дипломатической дистанции, к политике, основанной на избирательном сотрудничестве. Россия стремится сохранить своё влияние, не беря на себя неограниченных обязательств, и предпочитает гибкие модели партнёрства вместо официальных альянсов. Эта политика не означает, что Россия осуществляет стратегический поворот в отношении Афганистана. Напротив, основная цель Москвы заключается в том, чтобы сохранить своё влияние на будущее Афганистана в условиях расширения региональной взаимосвязанности и ослабления влияния Запада, а также продолжать играть важную роль в формировании более широкой архитектуры безопасности в Центральной Азии.

[i] “Russia becomes first state to recognise Afghanistan’s Taliban government”, BBC, <https://www.bbc.com/news/articles/c78n4wely9do>, (Дата обращения: 05.08.2026).

[ii] “Moscow Signs Military Partnership with the Taliban”, The Moscow Times, <https://www.themoscowtimes.com/2026/05/28/moscow-signs-military-partnership-with-the-taliban-a92875>, , (Дата обращения: 05.08.2026).

[iii] “Uzbek-Afghan-Pakistan transin corridor making progress”, Euroasianet, <https://eurasianet.org/uzbek-afghan-pakistan-transit-corridor-making-progress>, (Дата обращения: 05.08.2026).

[iv] “Russia Accuses Britain of Supporting Armed Anti-Taliban Groups”, Afghanistan International, <https://www.afintl.com/en/202605260988>, (Дата обращения: 05.08.2026).

[v] “CSTO enhancing security measures along Afghan-Tajik border”, Euroasianet, <https://eurasianet.org/csto-enhancing-security-measures-along-afghan-tajik-border>, (Дата обращения: 05.08.2026).

ANKASAM АНАЛИЗ

Трансформация миграционной политики в Европе: новый этап подхода «Крепость Европа»

Sena Birinci

Проблема миграции в Европе с момента кризиса беженцев 2015 года перестала быть исключительно гуманитарным вопросом и превратилась в стратегическую проблему, напрямую затрагивающую безопасность, управление границами, внутреннюю политику и отношения Европейского союза с третьими странами. Однако события лета 2026 года показывают, что миграционная политика Европы вступает в новый этап. Если рассматривать в совокупности массовый переход мигрантов через марокканскую границу в испанском автономном городе Сеута, ужесточение Грецией политики по борьбе с нелегальной миграцией и инициативы по усилению механизмов возвращения внутри ЕС, становится очевидно, что наряду с понятиями «защита» и «интеграция» центральное место в управлении миграцией в Европе заняли также понятия «депортация», «безопасность границ» и «экстернализация».

Наиболее ярким примером этой трансформации стали события в Сеуте. Переход около 72 тысяч человек из Марокко в Сеуту в последние дни июля создал экстраординарный пограничный кризис — не только для Испании, но и для Евросоюза в целом. Учитывая, что население Сеуты составляет около 85 тысяч человек, возникновение за несколько дней миграционного потока, приближающегося по масштабу к численности населения города, показало, насколько уязвимыми могут быть внешние границы Европы. Библиотека парламента Великобритании также подтверждает, что к концу июля 2026 года в Сеуту перешли более 70 тысяч человек.^[i]

При этом речь идет не просто о переходе границы несколькими тысячами человек.^[ii] Кризис, с которым столкнулась Европа, в короткие сроки в значительной мере превратился в операцию по «возвращению». Это демонстрирует и фундаментальный сдвиг в европейской миграционной политике: успех для Европы теперь измеряется не только предотвращением пересечения границы, но и способностью как можно быстрее вернуть тех, кто ее пересек.

Однако по-настоящему значимым пример Сеуты делает то, что в регионе остались около 1100 несопровождаемых детей.^[iii] Если возвращение значительной части взрослых в Марокко оказалось возможным, то в отношении детей процесс стал гораздо сложнее из-за их правового статуса и обязательств по защите. Испанские власти обсуждают перевод части этих детей на материковую часть Испании, тогда как Марокко заявило о готовности к сотрудничеству по вопросу приема детей обратно.^[iv]

Именно в этой связи важное значение приобретает подход Европейской комиссии, обозначенный 18 августа: она поддержала возвращение мигрантов, находящихся в Сеуте, включая несопровождаемых детей, в Марокко в рамках определенных правовых условий. Ведь речь идет не только о судьбе 1100 детей, оставшихся в Сеуте. Здесь формируется прецедент относительно того, какой политический инструмент Евросоюз будет отдавать приоритету в подобных кризисах в будущем. Если механизмы возвращения станут политически более легко применимыми, центр тяжести европейской миграционной политики сместится в еще более секьюритизированную сторону.

Вторую составляющую этой трансформации представляет собой все более активная экстернализация миграционной политики. Европейские страны стремятся не просто контролировать нелегальную миграцию на собственных границах, а останавливать мигрантов еще до их прибытия на европейскую территорию, возлагая при этом на третьи страны больше ответственности за этот процесс. Марокко становится одним из ключевых партнеров в этой политике, а Ливия занимает критически важное положение применительно к миграционным потокам через Северную Африку в Европу. Таким образом, безопасность границ Европы все больше выходит за пределы ее собственной географической территории.

В краткосрочной перспективе это может выглядеть рациональным решением для Европы. Остановка мигрантов еще до достижения ими европейской территории одновременно снижает нагрузку на пограничные мощности и позволяет правительствам транслировать европейской общественности сигнал «контроль в наших руках». Однако в долгосрочной перспективе рост зависимости ЕС от Марокко, Ливии и других транзитных стран может создать серьезную проблему. Ведь управление миграцией перестает быть исключительно вопросом внутренней политики и превращается в инструмент внешней политики и дипломатического торга.^[v]

Пример Греции показывает, что аналогичная тенденция проявляется и на другой границе Европы. За ужесточением миграционной политики Афин стоит, в частности, новый миграционный маршрут через Ливию на Крит и Гавдос. Прибытие 8552 беженцев и просителей убежища на Крит и Гавдос за первые шесть месяцев 2026 года показывает, что этот маршрут приобретает для Европы все большее значение.^[vi] Эта цифра свидетельствует о том, что Крит превратился из второстепенного маршрута миграции в Грецию в один из основных пунктов въезда.

Примечательно при этом, что миграционные маршруты не исчезают, а лишь смещаются. Когда Европа перекрывает один маршрут мерами безопасности, миграционные потоки зачастую перенаправляются на другой. Об этом свидетельствует растущее значение маршрута Ливия–Крит наряду с направлением Турция–Греция в Восточном Средиземноморье. Следовательно, подход Европы, основанный исключительно на пограничном контроле, может испытывать трудности с выработкой долгосрочного решения, поскольку не устраняет коренные причины миграции.

Трансформацию в Европе следует рассматривать не только через призму государственной политики, но и через политический дискурс. В последние годы жесткая риторика крайне правых партий по вопросу миграции переместилась в центр европейской политики, при этом центристские правые и даже центристские левые партии под давлением избирателей также начали принимать более секьюритизированную политику в отношении миграции. Поэтому объяснять происходящие в Европе изменения исключительно как «подъем крайне правых» было бы недостаточно. По-настоящему важным событием является то, что некоторые политические предложения, ранее отстаиваемые крайне правыми, стали частью мейнстримной политики.

Кризис в Сеуте продемонстрировал в этом отношении и политическую уязвимость Европы. Экстраординарный переход 72 тысяч человек вновь разжег в европейском общественном мнении дискуссии о безопасности границ, а урегулирование кризиса в короткие сроки путем возвращения около 70 тысяч человек в Марокко показало, насколько центральное место заняла политика возвращения. Однако оставшиеся около 1100 несопровождаемых детей представляют собой ту точку, в которой политика безопасности сталкивается с правами человека и международным правом.

Следовательно, ключевой проблемой, с которой сталкивается Европа, является не «остановка миграции», а сохранение баланса между управлением миграцией и либеральными ценностями Европы. Безопасность границ — законное право государств, однако в отношении детей и лиц, нуждающихся в международной защите, существуют правовые пределы для политики возвращения.^[vii] Поэтому не случайно, что дети в Сеуте образуют отдельную правовую категорию. Собственный правопорядок Европы не допускает абсолютно неограниченного применения политики возвращения.

Заметно также, что изменилось и восприятие миграции европейским общественным мнением. Миграция больше не обсуждается исключительно в контексте гуманитарной помощи или права на убежище; она рассматривается в комплексе с такими темами, как безопасность, жилье, государственные услуги, пограничный контроль и национальный суверенитет. Поэтому растет и политическое давление на правительства. Проведение местным населением Сеуты протестов и то, что местная инфраструктура оказалась не готова к притоку тысяч людей, показали, что миграция способна порождать серьезные политические последствия и на локальном уровне.

Лето 2026 года стало важной поворотной точкой для миграционной политики Европы. Переход 72 тысяч человек на европейскую территорию в Сеуте за короткий срок, возвращение примерно 70 тысяч из них и сохраняющаяся проблема правовой и гуманитарной защиты 1100 несопровождаемых детей наглядно демонстрируют трансформацию, которую переживает миграционная политика Европы. Прибытие 8552 человек на Крит и Гавдос в Греции за первое полугодие, в свою очередь, показывает, что миграционные маршруты продолжают меняться.

Поэтому определять миграционную политику Европы в 2026 году исключительно как «сдвиг вправо» было бы недостаточно. Речь идет о гораздо более масштабной трансформации. Европа движется от модели, ориентированной на защиту, к модели, ориентированной на контроль в управлении миграцией; она не только укрепляет свои границы, но и стремится наращивать масштабы возвращения и переносить управление миграцией за пределы Европы. Главным испытанием для Европы в предстоящий период станет то, какой баланс она сумеет установить между безопасностью и правами человека. Если политика возвращения и экстернализации будет и далее усиливаться без соразмерного укрепления правовых и гуманитарных механизмов, подход «Крепость Европа» может превратиться в устойчивую политическую парадигму. Однако это изменит не только внешние границы Европы, но и ее собственную политическую идентичность. Следовательно, события в Сеуте — это не просто пограничный кризис. То, что 72 тысячи человек устремились в Европу за несколько дней, показало, насколько уязвимы границы Европы; а то, что 1100 несопровождаемых детей остались позади, показало, насколько сложное испытание представляют для Европы ее собственные ценности. Какую миграционную политику будет проводить Европа в будущем, станет одновременно и показателем того, какой Европой она хочет быть.

^[i] Amandine Hess, “EU supports repatriation of unaccompanied migrant minors from Ceuta to Morocco”, Euronews, <https://www.euronews.com/my-europe/2026/08/18/eu-supports-repatriation-of-unaccompanied-migrant-minors-from-ceuta-to-morocco>, (Дата обращения: 17.08.2026).

^[ii] **Hamza HABHOUB**, “In Ceuta, migrants stranded at Europe’s gates await their fate”, France 24, <https://www.france24.com/en/europe/20260818-ceuta-migrants-stranded-europes-gates-await-their-fate>, (Дата обращения: 17.08.2026).

^[iii] Agnese Pacciardi, “The grim future of European migration policy”, The Loop, <https://theloop.ecpr.eu/the-grim-future-of-european-migration-policy/>, (Дата обращения: 17.08.2026).

^[iv] “Europe needs ‘a more scientific approach’ to migration, says former Spanish diplomat”, CNN, <https://edition.cnn.com/2026/08/18/tv/video/amanpour-berdoy>, (Дата обращения: 17.08.2026).

^[v] **Luca Bertuzzi**, “Security at the border: How the securitarian agenda came to dominate EU migration policy”, Euronews, <https://www.euronews.com/my-europe/2026/08/11/security-at-the-border-how-the-securitarian-agenda-came-to-dominate-eu-migration-policy>, (Дата обращения: 17.08.2026).

^[vi] **Malcolm Brabant & Daphne Tolis**, “Greece toughens stance on illegal migration with new deportation plan”, pbs, <https://www.pbs.org/newshour/show/greece-toughens-stance-on-illegal-migration-with-new-deportation-plan>, (Дата обращения: 17.08.2026).

^[vii] Там же.

ANKASAM АНАЛИЗ

Японский поворот в Центральную Азию и меняющийся баланс сил в Евразии

Prof. Dr. Mehmet Seyfettin EROL

Глобальная геополитическая борьба XXI века больше не рассматривается исключительно через призму военного укрепления географических границ или расширения традиционных военно-политических блоков. Главными аренами соперничества настоящего и будущего становятся контроль над критически важными видами сырья, ураном, логистическими маршрутами и редкоземельными элементами, являющимися основой высоких технологий, зелёного энергетического перехода и ядерного ренессанса. На этой глобальной геоэкономической шахматной доске сотрудничество между Японией и государствами Центральной Азии предстает как модель партнерства, способная вновь актуализировать карты глобальной энергетической зависимости.

В рамках многовекторной внешней политики, основанной на принципе балансирования, государства Центральной Азии стремятся вывести свои отношения на максимально высокий уровень, объединяя свои запасы урана, редкоземельных элементов (РЗЭ), а также водно-энергетический потенциал с технологическим капиталом и рыночными возможностями Японии. Эта интеграция, безусловно, выводит регион за пределы традиционных зон влияния двух сил — российского влияния и формирующегося пространства стратегического сотрудничества с Китаем — превращая Центральную Азию в один из наиболее динамичных фронтов многополярного мира.

Именно в этом контексте финансовые возможности Японии и обещание передачи технологий предоставляют центральноазиатским столицам исторический рычаг для укрепления своего суверенитета и диверсификации внешней политики. Следовательно, данный стратегический шаг представляет собой не просто операцию по формированию региональной цепочки поставок, а тектонический геополитический сдвиг, способный коренным образом изменить баланс сил в сердце Евразии. Эта глубокая взаимозависимость выступает структурным рычагом, позволяющим сторонам преодолевать геополитическую изоляцию и дефицит сырья, одновременно внося значительный вклад в многомерную внешнеполитическую стратегию государств региона, основанную на балансировании.

Саммит лидеров и глобальный механизм финансирования

Отношения между двумя сторонами были институционально выведены на высший уровень. В этом контексте состоявшийся впервые на уровне лидеров Саммит “Central Asia plus Japan Dialogue” (CA+JAD), прошедший 19–20 декабря 2025 года в Токио с целью вывести сотрудничество между государствами-участниками на максимально высокий уровень, конкретизировал дорожную карту данного стратегического сближения и привлек внимание к отношениям асимметричного симбиоза между сторонами.

Как известно, Япония располагает передовыми технологиями, огромным капиталом и инженерными возможностями в сфере инфраструктуры, однако испытывает дефицит полезных ископаемых, залегающих в недрах. Центральная Азия, напротив, обладает богатыми ресурсами и стратегическим географическим положением, но испытывает недостаток технологий, необходимых для превращения этих ресурсов в продукцию с высокой добавленной стоимостью. Сочетание этих двух структур подобно идеально подходящим элементам пазла и одновременно ускоряет финансовые обязательства Токио перед регионом. На данном саммите Япония поставила цель реализовать в течение следующих пяти лет деловые проекты на сумму 3 трлн иен (около 19 млрд долларов США) в Центральной Азии, направленные на зеленую трансформацию, цифровизацию логистических маршрутов и создание цепочек поставок критически важных минералов. Данная цель также поддерживается международными механизмами финансирования. Министерство финансов Японии совместно со Всемирным банком запустило такие программы финансирования, как RISE+ и DRIVE, направленные на создание устойчивых цепочек поставок в развивающихся странах. Эти фонды формируют финансовый защитный механизм для переработки стратегически важных полезных ископаемых Центральной Азии в соответствии со стандартами, признанными западными странами, и их безопасного вывода на международные рынки.

Урановый ренессанс и детали энергетического партнерства

В мире происходит глобальный урановый ренессанс, символизирующий возвращение к ядерной энергетике в рамках борьбы с климатическим кризисом. Япония, постепенно возобновившая работу своих ядерных реакторов после катастрофы на АЭС “Фукусима”, обратилась к Центральной Азии с целью диверсификации ядерно-топливного цикла и снижения зависимости от России. Эта тенденция представляет собой наиболее конкретное проявление стратегии протекционизма цепочек поставок и снижения рисков во внешней политике Японии. Токио укрепляет собственную стратегическую безопасность в ядерно-топливной сфере посредством региона, стремясь противостоять глобальному доминированию России в сфере ядерного топлива через “Росатом”, одновременно формируя интегрированный энергетический коридор с другими государствами Центральной Азии в сфере углеводородов и гидроэнергетики.

В этом контексте государственная компания Казахстана Kazatomprom, являющаяся крупнейшим в мире производителем природного урана, заключила долгосрочный контракт на поставку концентрата оксида урана с Kansai Electric Power, одной из крупнейших японских компаний операторов атомной энергетики. Тот факт, что Казахстан самостоятельно производит около 40% мирового урана, является важнейшей гарантией диверсификации энергетического баланса Японии.

В Узбекистане, являющемся пятым крупнейшим производителем урана в мире, японская торговая корпорация ITOCHU Corporation ведет переговоры о соглашениях по поставкам урана с Навоийской горно-металлургической компанией. Одновременно Японская организация по обеспечению безопасности металлов и энергетики (JOGMEC) активно участвует в разведке и разработке новых месторождений урана в Узбекистане. Агентство по атомной энергетике Узбекистана (Uzatom) и японские партнеры реализуют совместные инженерные программы в области мирного использования ядерной энергии и технологий безопасности реакторов.

Обеспечив поставки урана из Казахстана и Узбекистана, Япония выбрала Туркменистан в качестве ключевого партнера на этапе преобразования ископаемого топлива в чистую энергию. Такие японские гиганты, как Kawasaki Heavy Industries, Mitsubishi Corporation и Sojitz, построили многомиллиардные газохимические комплексы, перерабатывающие огромные запасы природного газа Туркменистана в продукты с высокой добавленной стоимостью — жидкое топливо (GTG — Gas to Gasoline), высокочистые удобрения и пластмассы. Посредством этого шага Токио одновременно укрепляет свой ядерно-топливный цикл, снижает одностороннюю зависимость Туркменистана от Китая в отношении экспорта “голубого топлива” и создает многовекторный баланс в евразийской энергетической архитектуре.

Помимо урановых и газовых проектов, Япония рассматривает водно-энергетический потенциал Кыргызстана и Таджикистана как региональное дополнение к ядерному ренессансу. Японское агентство международного сотрудничества (JICA) финансирует модернизацию микро-гидроэлектростанций в Кыргызстане и реализует проекты зеленой трансформации. В Таджикистане Токио предоставляет грантовое финансирование на восстановление транспортных и энергетических коридоров, стремясь использовать гидроэнергетический потенциал для электрификации предприятий по интеллектуальной добыче полезных ископаемых в регионе. Таким образом, **Япония формирует комплексный “Центральноазиатский энергетический щит”, охватывающий весь спектр от ядерной энергетики и углеводородов до гидроэнергетики и зеленой энергетики.**

Редкоземельные элементы и революция “среднего передела”

Центральная Азия выходит на первый план в качестве критически важного партнера Японии, стремящейся преодолеть глобальную монополию Китая на редкоземельные элементы, превышающую 70%. Однако наиболее важной особенностью здесь является подход государств региона, который можно охарактеризовать как “сопротивление ресурсному суверенитету” по отношению к прежним колониальным моделям добычи полезных ископаемых. Государства Центральной Азии отказываются от практики прошлого, при которой сырье просто добывалось и экспортировалось по низкой цене. Центральное место в соглашениях с Японией занимает создание непосредственно на территории региона предприятий “среднего передела” (midstream), включающего разделение, плавку и очистку редкоземельных элементов. Так, президент Узбекистана Мирзиёев поставил амбициозную цель в размере 500 млн долларов на развитие проектов в сфере редкоземельных элементов и в этом направлении начал партнерство с японскими высокотехнологичными компаниями по переработке таких жизненно важных для производства полупроводников и аккумуляторов компонентов, как высокочистый кремний и графит. В Казахстане Япония финансирует проект “SmartMining Plus”, направленный на цифровизацию казахстанских месторождений с использованием искусственного интеллекта и обеспечение их устойчивой разработки. Казахстан посредством данного партнерства предоставляет японской промышленности свои мощности по переработке титана, тантала и ниобия, используемых, в частности, в аэрокосмической отрасли. Потенциал РЗЭ в богатых горных бассейнах Кыргызстана и Таджикистана также картографируется японскими геологами под эгидой JOGMEC.

Логистический тупик и новый партнер, усиливающийся в Среднем коридоре

Наиболее критическим фактором для реализации данного партнерства и превращения соглашений на бумаге в физическую реальность, безусловно, является логистика. Необходимо обеспечить безопасную доставку этих стратегически важных и чувствительных материалов из не имеющей выхода к морю Центральной Азии в Японию. Северный российский маршрут оказывается ограниченным вследствие глобальных санкций, тогда как южный иранский маршрут — из-за высоких геополитических рисков. В этой связи Транскаспийский Восточно-Западный Средний коридор, полностью обходящий территорию России, превращается в главную артерию данного партнерства.

Япония оказывает непосредственную инженерную и финансовую поддержку цифровизации таможенных процедур и модернизации портовой инфраструктуры в порту Актау в Казахстане. Такая диверсификация логистических маршрутов предстает как наиболее конкретный пример успеха многовекторной энергетической дипломатии, проводимой государствами региона в отношениях с двумя крупными соседями. В этом контексте подход Японии, предлагающей государствам региона не одностороннюю зависимость, а “суверенное партнерство”, основанное на взаимной передаче технологий, способствует укреплению ее позиций в качестве устойчивого и приемлемого регионального игрока

Возвращение Японии и активизация “Большой игры” вокруг Центральной Азии

Эти комплексные и глубокие шаги Японии в Центральной Азии, безусловно, не остаются незамеченными Россией и Китаем, которые уже предпринимают многомерные контрмеры в ответ на данную геоэкономическую экспансию. В этом контексте Россия, используя такие институциональные механизмы, как Организация Договора о коллективной безопасности и Евразийский экономический союз, стремится сформировать дипломатические рычаги влияния в отношении Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана, одновременно делая центральноазиатским столицам завуалированные политические предупреждения о том, что “чрезмерное сближение с внешними акторами” может нанести ущерб региональной стабильности и историческим связям. Сохраняя монополию на жесткую силу в регионе посредством военных баз в Таджикистане и Кыргызстане, Москва также посредством совместных военных учений, проводимых под предлогом обеспечения безопасности границ и борьбы с терроризмом, не упускает возможности напомнить государствам региона, кто является фактическим владельцем региональной архитектуры безопасности.

Китай, в свою очередь, на площадке ШОС рассматривает проникновение акторов азиатско-тихоокеанского происхождения в Центральную Азию как “угрозу региональной безопасности”, акцентируя внимание на концепции единого блока, и в ответ на японские инвестиции в переработку РЗЭ предлагает региону собственные перерабатывающие предприятия с более низкими издержками.

Эти контрмеры переводят классическое колониальное соперничество XIX века в цифровую и технологическую версию “Геоэкономической Большой игры”. Регион превращается в новый тектонический разлом глобальной поляризации.

Наиболее очевидным следствием этого станет усиление давления на пределы многовекторной внешнеполитической доктрины, проводимой государствами Центральной Азии. По мере усиления давления государства региона будут вынуждены использовать критически важные минералы, водные ресурсы и энергетические маршруты не только как источник дохода, но и как инструмент выживания и ведения переговоров между великими державами — то есть как инструмент минеральной и энергетической дипломатии. Дальнейшее ужесточение альянсов либо превратит регион в полностью независимый глобальный логистический центр, либо оставит его в эпицентре экономических санкций и эмбарго со стороны гегемонистских держав.

В этой связи в десятилетней перспективе можно сделать следующие прогнозы относительно того, каким образом данное стратегическое партнерство может изменить глобальный баланс сил:

- Прогноз 1: Центральная Азия станет новым эпицентром глобальных зеленых технологий.
- Благодаря создаваемым Японией в регионе предприятиям по переработке редкоземельных элементов и объектам инфраструктуры зеленой энергетики Центральная Азия перестанет быть исключительно поставщиком сырья. В начале 2030-х годов Казахстан и Узбекистан станут производителями компонентов, тогда как Кыргызстан и Таджикистан превратятся в ключевые звенья региональной сети чистой энергетики, включая аккумуляторные технологии и гидроэнергетику.
- Прогноз 2: “Пакт СА+JAD” станет главным якорем G7 в регионе.
- По дипломатическому пути, открытому Японией, в предстоящий период более активно последуют США и Европейский союз. Объем деловой активности в размере 3 трлн иен (около 19 млрд долларов), заявленный в Токио, сформирует экономическую основу стратегии Западного блока по структурному выведению Центральной Азии из российской и китайской орбит.
- Прогноз 3: Начнется эпоха “японских стандартов” в сфере ядерной безопасности и инфраструктуры.

Опыт Японии в области ядерной инженерии, цифровых коридоров и управления стихийными бедствиями станет стандартом в планируемых в регионе атомных электростанциях и проектах умных городов. Это позволит ослабить российскую монополию в сфере ядерных и технологических решений и приблизить Центральную Азию к западной интеграции.

- Прогноз 4: Цифровая и интеллектуальная добыча полезных ископаемых (Smart Mining) станет новым стандартом.
- Финансируемые Японией проекты по поиску и добыче полезных ископаемых с использованием искусственного интеллекта, такие как “SmartMining Plus”, полностью преобразят громоздкую и унаследованную от советского периода культуру горнодобывающей промышленности Центральной Азии. Экологически безопасная, низкоуглеродная и высокоэффективная добыча полезных ископаемых облегчит адаптацию государств региона к глобальным критериям ESG (экологическим, социальным и управленческим).

Заключение

Комплексный шаг Японии в Центральной Азии от урановых месторождений Казахстана и Узбекистана до водно-энергетического потенциала Кыргызстана и Таджикистана и газохимической промышленности Туркменистана начинает восприниматься как тектонический сдвиг, способный изменить глобальный баланс сил, выходящий далеко за рамки обычного торгового соглашения. Данный стратегический шаг предоставляет государствам Центральной Азии значительное пространство для маневра в рамках их многовекторной внешней политики, одновременно обеспечивая Японии жизненно важный канал для укрепления позиций в глобальной борьбе за цепочки поставок. Когда уран и редкоземельные элементы, находящиеся в недрах региона, объединяются с японскими технологиями и логистической безопасностью Среднего коридора, геополитическое сердце Евразии превращается в один из наиболее стратегически важных центров многополярного мира. Вместе с тем очевидно, что эта трансформация не будет безболезненной. Иными словами, “Новая Большая игра” вокруг Центральной Азии, по всей видимости, будет становиться еще более жесткой. Поскольку партнерства, которые будут формироваться на этих территориях в предстоящий период, будут определять не только показатели прибыльности компаний, но и лидера глобального технологического и энергетического режима. В конечном итоге будущее будет принадлежать не тем, кто просто обладает сырьевыми ресурсами, а тем акторам, которые способны наиболее эффективно перерабатывать их и превращать в многоуровневые геополитические партнерства.

В этом контексте коллективная и дипломатическая позиция пяти государств Центральной Азии будет определять не только будущие границы и пределы независимости Евразии, но и в значительной степени направление, содержание и характер глобальной гегемонии и формирующейся международной системы. Именно здесь основной и приоритетной целью государств Центральной Азии становится обеспечение продолжения своего существования и сохранение сильных позиций в новой системе. Следовательно, центральноазиатские столицы, сумевшие привлечь глобальный капитал на свою территорию при сохранении суверенных прав, неизбежно будут продолжать свою многовекторную политику, основанную на балансировании. В этом контексте Япония рассматривается как относительно новый, поздно пришедший актер в регионе. Действительно, мы все вместе становимся свидетелями формирования нового баланса сил в сердце Евразии, который, по всей видимости, не ограничится исключительно Центральной Азией, а охватит оба берега Каспийского моря и значительную часть Южной Азии.

ANKASAM АНАЛИЗ

Арктическая энергетическая политика Норвегии и энергетическая безопасность Европы

Başak ERTUNÇ

Заявление министра энергетики Норвегии Терье Осланна от 24 августа 2026 года о том, что страна продолжит развивать нефтегазовые ресурсы Баренцева моря независимо от подхода Европейского союза (ЕС) к новой углеводородной деятельности в Арктике, вновь вывело на повестку дня вопрос о роли Норвегии в энергетической безопасности Европы. Осло намерено сохранять добычу нефти и газа примерно на нынешнем уровне как минимум до 2035 года и рассматривает арктические ресурсы как важную составляющую этой цели. При этом Осланн обосновывает данную политику не только национальными интересами Норвегии, но и энергетической безопасностью Европы.^[iv] Значимость этого заявления заключается в том, что Норвегия, не являясь членом ЕС, расходится с Брюсселем по одному из направлений энергетической и природоохранной политики, но при этом продолжает оставаться одним из важнейших поставщиков энергии для Европы. Таким образом, текущая дискуссия выходит за рамки новой буровой деятельности в Арктике и требует оценки как возможностей, которые дает Норвегии ее особое положение в европейской энергетической системе, так и будущих границ этого положения.

Первый фактор, отличающий положение Норвегии, заключается в том, что, находясь вне политической структуры ЕС, страна при этом в высокой степени интегрирована в европейский энергетический рынок. Норвегия, будучи членом Европейского экономического пространства (ЕЭП), применяет значительную часть энергетического законодательства ЕС и с 2002 года ведет регулярный энергетический диалог с Евросоюзом. Вместе с тем эта интеграция не создает тех же политических отношений, что и членство в ЕС. Само правительство Норвегии в своем внешнеполитическом обзоре за 2026 год признает, что членство в ЕЭП стало для страны важным как никогда прежде, однако разница между членством в ЕС и членством в ЕЭП становится все более заметной по мере расширения Европы в новые сферы политики.^[v] Таким образом, Норвегия, не находясь полностью внутри механизма принятия решений европейского энергетического порядка, оказывается его центральным актором с точки зрения функционирования этого порядка.

Стратегическая ценность этого положения особенно возросла после 2022 года. После полномасштабного нападения России на Украину стремление ЕС снизить зависимость от российских энергоносителей придало новый вес и без того значимой роли Норвегии как поставщика. Доля России в импорте природного газа ЕС снизилась с 45% в 2021 году до 12% в 2025 году; в том же году Норвегия обеспечила 31% совокупного импорта природного газа ЕС и 54% его трубопроводного импорта.^[vi] Европейская комиссия также отмечает, что Норвегия сыграла «критически важную» роль в процессе отказа ЕС от российских энергоносителей. Поэтому положение Норвегии в энергетической безопасности Европы обусловлено не только высокими объемами экспорта. Осло приобрело значение как надежный и географически близкий производитель в период, когда альтернативные источники поставок стали частью европейской безопасности.

Собственные программные документы Норвегии также прямо указывают на эту роль. Национальная стратегия безопасности страны 2025 года определяет надежные поставки природного газа как важнейший вклад Норвегии в экономическую безопасность Европы и отмечает, что статус долгосрочного поставщика энергии будет подкрепляться новыми и прибыльными разведочными проектами.^[vii] С этой точки зрения поиск новых месторождений в Баренцевом море — не альтернатива роли Норвегии в энергетической безопасности Европы, а один из инструментов, обеспечивающих преемственность этой роли. Включение в мае 2026 года 70 новых блоков в лицензионную зону, из которых 38 расположены в Баренцевом море, и то, что правительство увязало это решение с энергетической безопасностью Европы, показывает, что данное восприятие роли страны нашло отражение в конкретной энергетической политике.^[viii]

Однако эту роль Норвегии не все акторы трактуют одинаково. Для ЕС Норвегия — не просто поставщик углеводородов, хотя и является одним из основных источников замещения российского газа. Созданный в 2023 году Зеленый альянс ЕС–Норвегия охватывает сотрудничество в сфере чистой энергетики, климатической нейтральности и зеленой промышленности и уделяет особое внимание принципу осторожности в Арктике. В противовес этому глава Международного энергетического агентства Фатих Бироль утверждает, что нынешние условия энергетической безопасности требуют пересмотра подхода ЕС к новой нефтегазовой деятельности в Арктике. Экологические организации, в свою очередь, заявляют, что новые месторождения, которые будут открыты сегодня, начнут добычу в те годы, когда спрос на природный газ в Европе, как ожидается, снизится, что создает риск появления «неликвидных активов». Таким образом, добычу в Норвегии оценивают, с одной стороны, через призму преемственности энергетической безопасности Европы, а с другой — через издержки долгосрочного энергетического перехода.

Это расхождение во мнениях отражает основную дилемму нынешнего положения Норвегии. Стратегический вес Осло в значительной степени обусловлен ее способностью надежно обеспечивать Европу нефтью и газом, в которых та нуждается сегодня, тогда как долгосрочная цель европейской энергетической системы состоит именно в снижении зависимости от этих ресурсов. Поэтому вопрос, стоящий перед Норвегией, заключается не только в том, как долго страна будет добывать нефть и газ. Более важный вопрос — какими инструментами она сможет сохранить свое нынешнее стратегическое положение, основанное на углеводородах, в случае трансформации европейской энергетической системы. С этой точки зрения сотрудничество с ЕС в сфере чистой энергетики, улавливания и хранения углерода и других низкоуглеродных технологий можно рассматривать как выходящее за рамки экологической политики. Эти направления одновременно составляют инструменты, благодаря которым Норвегия сможет остаться одним из ключевых энергетических партнеров Европы и после завершения энергетического перехода.

Вместе с тем в краткосрочной и среднесрочной перспективе нынешняя взаимозависимость предоставляет Норвегии определенное пространство для маневра. Европа нуждается в поставках энергии из Норвегии, тогда как сама Норвегия в высокой степени зависит от европейского рынка и энергетической системы. Однако эта взаимная потребность не означает, что стороны должны придерживаться одинаковых предпочтений по всем элементам энергетической политики. Equinor заявляет, что в случае нежелания ЕС покупать нефть и сжиженный природный газ, добываемые в Баренцевом море, эти ресурсы могут быть перенаправлены на другие рынки, тогда как Осланн определяет разработку месторождений как суверенное право Норвегии. Таким образом, значимость Норвегии не дает Осло неограниченной переговорной силы в отношении ЕС, но создает пространство, в котором страна, оставаясь глубоко интегрированной в европейскую энергетическую систему, может расходиться с Брюсселем в отдельных направлениях политики.

Поэтому синхронность арктической дискуссии имеет особое значение. ЕС в 2026 году обновляет свою арктическую политику с учетом меняющихся геополитических и геоэкономических условий. Согласно оценке Исследовательской службы Европейского парламента, энергетическая безопасность может занять более заметное место в измерении безопасности новой политики, а в рамках диверсификации поставок может встать вопрос об укреплении энергетического сотрудничества именно с Норвегией. Вместе с тем пока не ясно, будет ли ЕС развивать энергетическую безопасность исключительно на основе источников зеленой энергии или рассматривать арктическое ископаемое топливо как часть этой стратегии.^[ix] Это выводит положение Норвегии в европейском энергетическом порядке за рамки определения «поставщик, не входящий в ЕС». Норвегия, находясь вне системы принятия решений, благодаря своему энергетическому потенциалу и интеграции в европейский рынок, является прямой стороной дискуссий об энергетических предпочтениях Европы.

В заключение можно отметить, что арктическая энергетическая политика Норвегии раскрывает гораздо более широкое стратегическое положение страны, чем единичное политическое разногласие с Европой. Процесс отказа от российского газа усилил вес Норвегии в энергетической безопасности Европы, а ее нахождение вне ЕС, но внутри европейского энергетического рынка, дает Осло возможность одновременно сохранять сотрудничество и политическую автономию. Хотя сохранение такого положения в краткосрочной и среднесрочной перспективе выглядит вероятным, одним из определяющих факторов в долгосрочной перспективе станет динамика спроса на природный газ в Европе.

По мере продвижения энергетического перехода в Европе для Норвегии ключевым вопросом станет не столько сохранение нынешнего углеводородного преимущества, сколько способность перенести статус надежного поставщика энергии в новый энергетический порядок. Поэтому истинное значение дискуссии о Баренцевом море заключается не только в демонстрации нынешней силы Норвегии в энергетической безопасности Европы, но и в том, что она уже сейчас ставит вопрос о том, как это стратегическое положение можно будет сохранить в Европе с уменьшающимся весом углеводородов.

^[i] “China hopes 2026 will be a ‘landmark year’ for relationship with US”, AP News, <https://apnews.com/article/china-us-relations-trump-xi-summit-wang-yi-dafb8e2439eabf1d9a0d1328635dece5>, (Дата обращения: 25.08.2026).

^[ii] “Foreign policy address to the Storting 2026”, Government of Norway, <https://www.regjeringen.no/en/whats-new/foreign-policy-address-to-the-storting-2026/id3150745/>, (Дата обращения: 25.08.2026).

^[iii] “Norway”, European Commission, https://energy.ec.europa.eu/topics/international-cooperation/key-partner-countries-and-regions/norway_en, (Дата обращения: 25.08.2026).

^[iv] “National Security Strategy”, Government of Norway, https://www.regjeringen.no/contentassets/3750a67cb19f4aac881401c5461773d8/en-gb/pdfs/national_security_strategy.pdf, (Дата обращения: 25.08.2026).

^[v] “Announcement of APA 2026”, Government of Norway, <https://www.regjeringen.no/en/whats-new/announcement-of-apa-2026/id3158497/>, (Дата обращения: 25.08.2026).

^[vi] “EU Arctic policy update”, European Parliamentary Research Service, [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2026/789336/EPRS_BRI\(2026\)789336_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2026/789336/EPRS_BRI(2026)789336_EN.pdf), (Erişim Tarihi: 25.08.2026).

ANKASAM В СМИ

6 августа 2026 года

- Председатель ANKASAM проф. д-р Мехмет Сейфеттин Эрол на радио «Голос Турции» TRT!

7 августа 2026 года

- Генеральный секретарь ANKASAM доктор Кадир Эртач Челик на Ülke TV!

8 августа 2026 года

- «Председатель ANKASAM проф. д-р Мехмет Сейфеттин Эрол прокомментировал для газеты Milliyet: «Мекканский пакт» можно также расценивать как самый четкий региональный ответ на диктат глобальных сил».

10 августа 2026 года

- Председатель ANKASAM проф. д-р Мехмет Сейфеттин Эрол на радио «Голос Турции» TRT!

12 августа 2026 года

- Председатель ANKASAM проф. д-р Мехмет Сейфеттин Эрол на радио «Голос Турции» TRT!

20 августа 2026 года

- Председатель ANKASAM проф. д-р Мехмет Сейфеттин Эрол на радио «Голос Турции» TRT!

23 августа 2026 года

- Председатель ANKASAM проф. д-р Мехмет Сейфеттин Эрол на радио «Голос Турции» TRT!

24 августа 2026 года

- Председатель ANKASAM проф. д-р Мехмет Сейфеттин Эрол прокомментировал «Договор о вечной дружбе» между Азербайджаном и Узбекистаном в программе «Обеденные новости» телеканала AZTV.
- Председатель ANKASAM проф. д-р Мехмет Сейфеттин Эрол прокомментировал «Договор о вечной дружбе» между Азербайджаном и Узбекистаном в выпуске главных новостей телеканала AZTV.

25 августа 2026 года

- Президент ANKASAM проф. д-р Мехмет Сейфеттин Эрол прокомментировал на Report.az: «Договор о вечной дружбе между Азербайджаном и Узбекистаном — геополитический хребет тюркского мира».

30 августа 2026 года

- В интервью inbusiness.kz председатель ANKASAM проф. д-р Мехмет Сейфеттин ЭРОЛ проанализировал преобразования в Совете безопасности Казахстана и появление новой ключевой должности.

Вышел в свет очередной номер «Международного журнала кризисных и политических исследований» — международного рецензируемого журнала, функционирующего в рамках Анкарского центра кризисных и политических исследований (ANKASAM). Наш журнал, имеющий международное рецензирование, открытый доступ и совершенно бесплатный, сканируется 12 индексами. Это Index Copernicus, CEEOL, ASOS Index, Cite Factor, DRJI, Google Scholar, Ideal Online, Infobase, JIFACTOR, Journal Factor, Research Bible u Sindex.

Международного журнала кризисных и политических исследований - ТОМ X, ВЫПУСК I

Вышел в свет последний номер журнала «Journal of Regional Studies», который является международным рецензируемым журналом, работающим при Анкарском центре кризисных и политических исследований (ANKASAM). Мы индексируемся в 12 международных базах данных: Index Copernicus, CEEOL, ASOS Index, Cite Factor, DRJI, Google Scholar, Infobase, Ideal Online, JIFACTOR, Journal Factor, Research Bible u Sindex.

Журнал региональных исследований - ТОМ X, ВЫПУСК I

